

Они хотят натянуть на великого русского гения хламиду сексуального извращения! — возопил как-то Александр Невзоров в своих «Секундах», посвященных последней постановке петербургского хореографа Бориса Эйфмана на сюжет «секретных» мотивов биографии П.И. Чайковского. Не берусь оценивать весь спектакль по той сцене, которую видел в передаче (два обнаженных юноши, резвящиеся в кровати), но привкус «клубнички» слишком отчетлив.

Невзорову вторил орденосный Игорь Горбачев, бессменный руководитель Театра драмы имени Пушкина: «Музыка Чайковского настолько высокохудожественна, что только люди с абсолютно извращенным сознанием способны найти в творчестве этого выдающегося русского композитора какую-либо патологию!»

Две крайности: с одной стороны, очевидная спекуляция Эйфмана, с другой — не менее очевидная, агрессивная и примитивная ортодоксальность Невзорова, продолжающего из последних сил удерживать неприступные некогда позиции официальной советской идеологии в отношении таких «острых углов», как гомосексуальность тех или иных столпов отечественной культуры. Конечно, с Кузминым, Клюевым, Есениным, Парнок, Цветаевой, Харитоновым и еще кем-то было легче: их го-

мосексуальность можно было замолчать (а не замолчать гомосексуальность, так их самих, как и произошло с половиной из перечисленных имен). С Чайковским — особый случай.

«Советские власти оскорбились, что самый драгоценный камень в российской музыкальной короне посмертно был уличен в гомосексуальности и педофилии», — пишет обозреватель «Дейли юмиури» Грэм Дуайер, делая существенную ошибку, а именно: «самый драгоценный камень» был уличен в вышеназванных грехах вовсе не посмертно, поскольку его пристрастия уже современникам предоставили благодатную пищу для разного рода сплетен и слухов, которые множились в геометрической прогрессии вокруг обстоятельств смерти Чайковского.

«Пожалуй, единственный человек в Советском Союзе, который еще верит в то, что Чайковский умер от холеры, — это председатель Союза композиторов СССР Тихон Хренников, патриарх советских творческих союзов, который находится на своей должности с 1948 года и продолжает упорно воплощать в жизнь заветы своего высокого покровителя А.А. Жданова: не выносить сора из избы, особенно если дело касается национального гения. Не может быть никаких сомнений в том, что пока Хренников остается на троне, до-

ставлявшая отечественному читателю версию тщательно спланированного самоубийства композитора, якобы спровоцированного разразившимся вокруг него гомосексуальным скандалом. Статья эта суммировала и обобщала все те же слухи и сплетни, известные на Западе благодаря бурной деятельности энергичной и авантюрной дамы — искусствоведа Александры Орловой, эмигрировавшей из СССР и сделавшей себе имя на этом скандале.

Считая Чайковского фигурой глубоко трагической, Орлова утверждает, что «не его вина, а его беда — патологическая извращенность; это болезнь...», и довольно сбивчиво излагает свою версию его кончины.

Время шло, и даже Тихон Хренников уже покинул свой «трон», но слухи по-прежнему довели над серьезным исследовательским подходом. Таким образом, в отечественном чайковедении до сих пор сохранялись две главенствующие тенденции: ханжеская, «защитающая» композитора от «хламиды сексуального извращения» (характерный пример — опубликованная в 1986 г. в «Новом мире» статья «Пиковые дамы» Ольги Чайковской, которая ни

разу даже не рискнула употребить это страшное слово «гомосексуальность», так что читателю вообще не понятно, о чем именно идет речь) и не менее ханжеская, объединившая сторонников популяризированной Орловой хрупкой гипотезы вынужденного самоубийства, не только не огораживающей имя и память Чайковского от сплетен, а наоборот — построенной на их основе.

В 1981 г. в престижном американском музыковедческом журнале «High Fidelity» было опубликовано открытое письмо «Пересмотр версии «самоубийства» Чайковского: Опровержение» за подписью покойной Нины Берберовой, автора замечательной и тонкой биографии Чайковского, опубликованной впервые в 1934 г. в Берлине, Малколма Брауна, профессора университета штата Индиана, и Саймона Карлинского, профессора Калифорнийского университета Беркли, неоднократно писавшего на эту тему.

«Как специалисты со значительным опытом изучения русской культуры, мы обескуражены неkritическим восприятием на Западе необоснованной и ничем не подтвержденной версии причины смерти Чайковского, — пишут они. — Как способ аргументации, так и «свидетельства», приводимые Орловой, поразили нас отсутствием достоверности (исторической, медицинской, физиологической)... Почему

широко известные сплетни, дошедшие из четвертых уст, сплетни, которые, как всегда в таком случае, невозможно адресовать никому конкретно из людей, окружающих Чайковского в последние два дня его жизни, берутся за основу «теории»? Нас хотят заставить поверить в то, что Чайковский сам себя отравил лишь на основании свидетельства некоего человека, который говорил об этом в 1966 году г-же Орловой и который сам узнал об этом в 1913 году от женщины, в свою очередь услышавшей об этом факте от мужа, который скончался еще в 1902 году... «Открытия» г-жи Орловой не более чем сплетенные выдумки, слухов и дезинформации. Это подобно спекуляции на том, кто же в действительности убил Джона Ф. Кеннеди. Самоубийство Чайковского именуется г-жей Орловой «одним из величайших скандалов в истории музыки». По нашему мнению, действительный скандал заключается в той легкости, с которой серьезные ученые и музыковеды приняли эту байку за достоверный факт».

Итак, слухам о самоубийстве Чайковского ровно сто лет. К этой печальной дате приурочен выход книги Александра Познанского «Самоубийство Чайковского: миф и реальность», все ставящей на свои места. После эмиграции в Америку автор стал сотрудником Йельского университета и занимался изучением биографии Чайковского, опубликовав несколько статей в музыковедческом журнале «The 19th Century Musik».

В 1991 г. в США вышла его биография композитора «The Quest for the Inner Man», собравшая множество доброжелательных откликов. В начале 1993 г. дополненное переиздание этой книги появилось и в Англии.

Познанский — один из первых исследователей, кому совсем недавно был открыт доступ к архиву Чайковского в доме-музее в Клину. И он — единственный, кто смог использовать «рассекреченные» материалы в полной мере, без ханжеских умолчаний, отличающих, к примеру, публикации Н.А. Богомолова и С.В. Шумихина, которым таким же образом была предоставлена возможность работы в архиве Михаила Кузмина в ЦГАЛИ. В опубликованных в альманахе «Минувшее» дневниках Кузмина они сочли правомерными купюры в тех местах текста, которые носят «чрезмерно интимный характер». (Вопиющий пример не цензуры, но самоцензуры. Что пагубнее для культуры — неизвестно.)

Порою книга читается не менее увлекательно, чем детектив, да и сам автор проговаривается однажды, сравнивая себя с Шерлоком Холмсом. Как бы там ни было, мы имеем дело с тем редким случаем, когда «цель оправдывает средства».

Конечно, ни эта книга, ни эта статья не умерят пыл Невзорова и других непрошенных «защитников» Чайковского от него самого. Да это и неважно, ведь в Санкт-Петербурге уже третий год активно действует Фонд сексуальных меньшинств, гордо носящий имя великого русского композитора-гомосексуалиста, а в Москве поговаривают о том, что неплохо было бы реконструировать памятник перед консерваторией работы Веры Мухоминой, установленный в 1954 году. По первоначальному замыслу и проекту вдохновленный Чайковский должен был облакачиваться на свою музу — мальчика, но, естественно, такая «вольность» в те времена была немислима.

Ярослав МОГУТИН, американский культуролог.
Фото Василия КУДРЯВЦЕВА.

Хороший материал? Мне нравится. А вот в «Аргументах и фактах» его завернули, продержав предвительно два или три месяца. Ну и ладно, ну и пусть. Читатели «НВ», наверное, не в обиде. (За Петра Ильича.)

Я.М.

АХ, ПЕТР ИЛЬИЧ, ПЕТР ИЛЬИЧ!..

Рисунок Алексея МЕРИНОВА.